

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ В сторону дома, в край незнакомый

<i>Глава первая.</i> Нерадивая нянька	7
<i>Глава вторая.</i> Нежеланный союз	18
<i>Глава третья.</i> Неудобная река	39
<i>Глава четвертая.</i> Нежеланный сюрприз	43
<i>Глава пятая.</i> Пауки биба	68
<i>Глава шестая.</i> Равнинный Бродяга.	82
<i>Глава седьмая.</i> Кальнианцы все же пересекают Матерь Вод.	93
<i>Глава восьмая.</i> Легкая прогулка	97
<i>Глава девятая.</i> У озера	114
<i>Глава десятая.</i> Остановить Чиппаминку	122
<i>Глава одиннадцатая.</i> Бизонье войско	125
<i>Глава двенадцатая.</i> Мокрые головы	146
<i>Глава тринадцатая.</i> Колкость	164
<i>Глава четырнадцатая.</i> Наркотики — это плохо	172
<i>Глава пятнадцатая.</i> За Отцом Вод	204
<i>Глава шестнадцатая.</i> Чиппаминка правит	211

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Пауки Гибельных Земель

<i>Глава первая.</i> В Гибельных Землях	221
<i>Глава вторая.</i> Ваши скалы словно фаллы.	234
<i>Глава третья.</i> Поход за славой	259
<i>Глава четвертая.</i> Миленькая тюрьма	263
<i>Глава пятая.</i> Гремеконда.	275
<i>Глава шестая.</i> Финнбоги Храбрец	293
<i>Глава седьмая.</i> Певец	304

<i>Глава восьмая.</i> Кальнианская армия атакует	312
<i>Глава девятая.</i> Воссоединение, рассказ и смерть.	356
<i>Глава десятая.</i> Попытка побега	381
<i>Глава одиннадцатая.</i> Битва на арене	390
<i>Глава двенадцатая.</i> За краем	420

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
К Сияющим горам

<i>Глава первая.</i> Бегство на буксире	463
<i>Глава вторая.</i> Финнбоги Голубь	468
<i>Глава третья.</i> Голые люди и гибель воительницы.	483
<i>Глава четвертая.</i> Короли ящеров	497
<i>Глава пятая.</i> Так значит, вверх	522
<i>Глава шестая.</i> Отдых	536
<i>Глава седьмая.</i> Зеленое племя.	555
<i>Глава восьмая.</i> Пора-пора убить Человека Бобра.	573
<i>Глава девятая.</i> Поцелуй и чудовище	595
<i>Глава десятая.</i> Орлиный Утес	611
<i>Глава одиннадцатая.</i> Нависающие утесы.	627
Слова благодарности.	633

Посвящается Жасмин и Напе

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В сторону дома,
в край незнакомый

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Нерадивая нянька

Люби Зефир нисколько не сомневалась, что назначенная ей в няньки Калиска Койот собирается ее убить.

Они шли через благоухающие леса, полные диких зверей, через травянистые равнины, гудящие насекомыми и переливающимися розовыми, голубыми и желтыми цветами. Чем прекраснее было вокруг, тем сильнее портилось настроение Калиски. Она раскрывала рот только для того, чтобы сказать Люби какую-нибудь оскорбительную гадость, переложила на нее все заботы по устройству лагеря и готовке и, похоже, забыла о мазях, которые Йоки Чоппа оставил ей, чтобы ускорить выздоровление Люби. Когда Калиска все же достаивала свою подопечную взглядом, то стискивала рукояти метательных топоров и морщила нос, словно мамаша, чей ребенок уже третий раз за день натащил на ногах в дом лисьего дерьма.

Люби сочувствовала ей. Командирша оуслы, Софи Торнадо, пообещала, что Калиске простят участие в бунте, если она доставит раненую Люби обратно в Кальнию целой и невредимой. Если же Люби пострадает, Калиску казнят, а душу уничтожат, съев ее плоть.

На словах Софи может простить, но она никогда не забудет участия Калиски в заговоре против нее, так что Калиска отныне уже не сможет чувствовать себя безопасно в оусле. Наверное, ей будет житься гораздо лучше, если она бросит Люби и отправится на юг, где ее усиленные магией боевые навыки пригодятся на службе у какого-нибудь императора из джунглей. Если она сохранит Люби жизнь, то оставит после себя след, значит, Люби должна умереть. Именно так поступил бы любой хладнокровный и безжалостный убийца, а Калиска была самой хладнокровной и самой безжалостной из всех.

Сейчас, спустя шесть дней после того, как смутьянки из оуслы ударили Люби по голове каменным топором во время скоротечной попытки уничтожить Софи Торнадо, она почти поправилась. Однако продолжала прикидываться слабой, чтобы Калиска считала ее легкой добычей. И была почти разочарована, когда ее уловка сработала. Она, по обыкновению, тащилась позади, поскольку Калиске не хватало терпения двигаться в темпе болящей. Преодолев поворот лесной дороги, она обнаружила, что Калиска поджидает ее, держа свои метательные топоры в руках.

— Я заметила медведя.— Калиска внимательно вглядывалась в темный лес.— Мне кажется, он обошел кругом...— она ахнула.— И теперь у тебя за спиной!

Люби развернулась, как будто действительно поверив, что медведь у нее за спиной, и упала. Метательный топор просвистел над головой. Люби скатилась с дороги, вскочила на ноги, замерла, пропуская пролетевший мимо лица второй топор, затем, петляя и подпрыгивая, кинулась в подлесок, беззвучно, как и обещало ее зефирное прозвище.

Калиска обладала способностью метать оружие с невероятной силой и меткостью. Талант Люби заключался в умении двигаться скрытно. А в подходящих условиях скрытность каждый раз брала верх над меткостью. И лесная чаща обеспечивала как нельзя более подходящие условия. Калиска упустила свой шанс.

Люби не собиралась давать ей второй.

Калиска подошла, чтобы подобрать свои топоры, и всмотрелась в подлесок.

— А Софи ты вообще не нравишься, между прочим! — выкрикнула она. — Она использовала тебя. Теперь у нее другие любимчики. Может, Палома Антилопа. Та куда красивее и...

«Не нужно так кричать, я гораздо ближе, чем ты думаешь», — произнесла про себя Люби, спрыгивая с дерева. Калиска обернулась. Люби полоснула одним обсидиановым ножом в форме полумесяца по ее крепкой шее, когда второй вошел в обнаженный живот, после чего Люби нырнула обратно в кусты и беззвучно удалилась, пока умирающая Калиска, спотыкаясь, искала ее.

Калиска не выполнила приказ Софи, наказание за это — казнь и смерть души. Значит, Люби должна была бы развести огонь с помощью кристалла Инновака,

зажарить Калиску и съесть немного ее плоти, чтобы убить душу. Но Калиска все же прошла с ней так долго.

Поэтому Люби развела обычный костер, сожгла тело Калиски и, вместо того чтобы съесть кусочек, пролила несколько слезинок.

Люби двигалась на юг, за спиной лук, обсидиановые ножи в форме полумесяца на поясе. За плечом небольшой кожаный мешок с флягой воды, магическими припасами и целебными мазями, которые оставил Калиске чародей Йоки Чоппа.

Она много прошла в тот день и еще больше — в следующий. Она ожидала, что ее уже в любой момент нагонят остальные воительницы оуслы, возвращающиеся на юг после уничтожения грибоедов, однако тех все не было. Она гадала, что же случилось. Может, они встретили армию, превосходящую по силам, или их заманили в западню?

Но тревоги мешали ей наслаждаться прогулкой, поэтому она гнала прочь мрачные мысли, решив, что задание, данное оусле, просто увело ее подруг дальше, чем ожидалось. Их добыча, вероятно, бежала далеко на запад от озера. Софи, Палома Антилопа, Ситси Пустьельга и все остальные, конечно же, кинулись в погоню, перебили всех, а потом двинулись обратно по другой дороге, западнее, и будут ждать ее уже в Кальнии.

На следующее утро она проснулась и позавтракала. Потянувшись, ощутила, как прежние силы, как и до ранения, вскипают в каждой мышце, и поняла, что способна добежать до Кальнии в этот же день, если того пожелает.

Только она не желала.

За годы жизни в Кальнии, а затем на службе в оусле, у Люби Зефир никогда не было времени для себя. Поэтому она пошла медленно, иногда сходя с дороги, чтобы полюбоваться окрестностями с вершин невысоких холмов, рассматривая водопады и изучая все, что только вызывало ее интерес. Она сказала себе, что не торопится, позволяя остальному отряду нагнать ее, но знала, что это неправда. Она была счастлива как никогда в жизни, пока вот так неспешно и одиноко брела по миру.

Она шагала, ощущая ветер на лице и почву под ногами. Она вдыхала ароматы лесов, неторопливо внимая музыке их обитателей. Когда в начале каждого дня она снова пускалась в путь, тревоги набрасывались на ее разум, бились в него, но уже скоро казалось, что все беспокойные мысли улетучиваются, сливаются с природой и возвращаются обратно в ритмах земли и ее обитателей. Спустя пару миль она сама уже становилась просто еще одним живым существом, идущим по земле, крохотной, но ценной частицей громадной, изобилующей жизнью системы.

Она охотилась, собирала ягоды, ела, умывалась и спала, воодушевленная и умиротворенная спокойствием настолько глубоким, что она могла бы провалиться в него и растянуть еще больше.

В границы самой Кальнии она вернулась через четырнадцать дней с момента ухода и через семь дней после убийства Калиски Койот. Она не сознавала, насколько шумно в лесу и на равнинах от разной живности, пока не вышла из-под деревьев к возделанным полям Кальнии, и мир охватила пугающая тишина.

Люби Зефир полностью оправилась от раны на голове и с печалью вернулась домой.

Далеко впереди сверкала золотой вершиной пирамида Гора Солнца. Земледельцы отвлекались от работы, приветствуя ее радостными криками. Она отвечала им, понятия не имея, встречала ли кого-то из них раньше. После Императрицы Лебедь Айянны, воительницы оуслы были самыми узнаваемыми персонами в Кальнии. Незнакомые люди могли подойти и заговорить с ними, как со старинными друзьями. Кое-кого из оуслы по-настоящему выводили из себя эти непрошенные собеседники. Утренняя Звезда, Калиска Койот и Садзи Волчица просто били людей, которые заговаривали с ними без разрешения. Люби подобное не раздражало — она всегда могла воспользоваться своей способностью исчезнуть незаметно, если что,— но смущало, потому что у нее была плохая память на лица, и она каждый раз сомневалась, обращается ли к ней друг детства или же не в меру нахальный незнакомец.

И, словно в ответ на ее мысли, один престарелый земледелец, шедший навстречу, остановился и широко раскинул руки:

— Люби Зефир! Глазам своим не верю! Что ты делаешь здесь, на северной окраине Кальнии? Как поживаешь? Не нужно ли тебе чего?

— Привет, у меня все хорошо. А ты как? — Ну, зачем он раскинул так руки? Ждет, что его обнимут? Она и сама развела руками в подобии изумленного «сколько лет, сколько зим!».

— Грех жаловаться,— ответил он, опуская руки, явно довольный.

Она что, узнала его?

— Наверное, — отозвалась она. — Или тебе есть, на что жаловаться? — Она внимательно всматривалась в него, стараясь, чтобы он этого не заметил. Старик действительно казался каким-то знакомым.

— От меня ты не услышишь ни слова жалобы.

— Прекрасно. Что нового в Кальнии? — спросила она.

— А сколько времени тебя не было?

— Две недели.

— Ну-ну, да, надо сказать, новости есть. Целая куча новостей!

— И что же?

— Императрица Айянна вчера родила. Мальчика!

— Мальчика? Это же прекрасно. — *В самом деле, прекрасно? Но что тут еще скажешь?* Она жалела, что уже вышла из леса.

— Да, приятно услышать хорошую новость во время войны.

— *Войны?*

— А, ну конечно, если тебя не было две недели, откуда тебе знать.

— Знать что?

— Мы собираемся воевать. С Гибельными Землями.

— *С Гибельными Землями? С этими садистами?*

Почему?

— Понятия не имею. Однако войска почти готовы выступать. Самая большая армия за всю историю, так говорят. Мне пришлось отдать четверть своих запасов. Обещали заплатить золотом и иглами дикобраза, только пока что я ничего не получил и как-то не особенно надеюсь.

— Не знаешь, где сейчас остальная оусла?

— Разве они не с тобой? Последнее, что я слышал, а дело было вчера, они еще не вернулись. Но ходят разные слухи. Некоторые уверяют, что они присоединились к гибельным.

— А Йоки Чоппа?

— Чародей заодно с оуслей, как говорят.

— Мне пора идти.

— Конечно-конечно! Было так приятно с тобой поболтать, Люби Зефир.

Она побежала к городской стене и примерно через двадцать ударов сердца вспомнила, кто такой этот земледелец.

Родители Люби, учительница и конструктор укреплений из Кальнии, в свое время ясно дали понять, что думают о зачислении их дочери в оуслу по приказу императора Залтана. Как и все остальные в оусле, Люби была выбрана не только за физические возможности, но и за внешность. «Нам стыдно за Кальнию и за тебя»,— так сказала ее мать, когда она уходила из дома с маленьким узелком своих пожитков.

В период изнурительных тренировок она не видела ни мать, ни отца, и ничего не слышала о них. То были мучительные годы, и физически и морально, и родительское участие могло бы сделать их легче.

Затем оусла выиграла несколько сражений, победила несколько могучих врагов и укрепила положение Кальнии в мире. Мнение переменилось. К тому времени, когда начались показательные казни пленников на площади Солнца, бесчестие обернулось честью. Те, кто еще недавно был не в силах произнести слово

«оусла», не сплюнув при этом, теперь считали, что отряд из десяти усовершенствованных магией воительниц — величайшее достижение со времен изобретения кукурузной каши. Некоторые приветствовали оуслу ликующими криками. Некоторые старались их потрогать — это стоило не одного сломанного пальца.

После долгих лет молчания родители Люби снова появились в ее жизни и устроили праздник, чтобы вслух заявить о своей любви и неослабевающей поддержке. Пришли и все их друзья и многочисленные родственники. Люби согласилась участвовать и провела самые ужасные часы в своей жизни, просидев весь вечер с словно приклеенной улыбкой на лице. На том празднике она и видела этого земледельца. Его звали Ийян, он был двоюродным братом ее матери.

Проклиная себя за то, что не узнала Ийяна, Люби Зефир добежала до Горы Солнца и взлетела по длинным ступеням. Позади нее осталась площадь Инновака, место, где она и другие воительницы убивали врагов, чтобы потешить граждан Кальнии, а сейчас громоздились горы сложенных кожаных палаток, снопы копий, кучи каменных топоров и прочих необходимых в походе вещей. Низшие суетились вокруг, подгоняемые приказами вышестоящих, увеличивая все растущие пирамиды боеприпасов и перетаскивая тюки туда и сюда.

Люби всегда полагалась на Софи Торнадо, капитана оуслы, которая объясняла ей, что происходит. Следующий, кому она доверяла, был Йоки Чоппа и, наверное, еще управляющий Хато. Первые двое отсутствовали, Хато погиб во время нападения гоачика, которое и послужило причиной похода оуслы на

север, значит, придется говорить с самой императрицей Айянной, пусть даже та только что родила.

Люби шла по вершине пирамиды, уверенно кивая стражникам. Парочка из них выступила ей навстречу, но, кажется, оба передумали. Она — оусла. С ней не связываются.

Когда она проходила мимо ритуальной парной, из бассейна ее окликнул чей-то голос:

— Люби Зефир!

Голос принадлежал молодой женщине — девушке, — которая погрузилась в исходившую паром, насыщенную минералами воду купальни так, что над гладкой поверхностью виднелась одна лишь голова. К голове липли волосы, словно она только что вынырнула из воды. У нее был вздернутый носик и сияющие глаза.

Кто же это такая? В этот бассейн дозволялось погружаться только императрице. И почему здесь столько пара? Он источал ароматы трав и почти дурманил.

— Ты кто? — спросила Люби, когда стало ясно, что девушка так и будет улыбаться ей, словно знает все ее тайны и находит их весьма забавными.

— Ты хотела увидеть императрицу, — ответила вместо того девушка. — Она спит вместе с новорожденным. А ты проделала долгий путь и устала. Почему бы тебе не скинуть эту пропыленную, потрепанную одежду и подождать прямо здесь? Расскажешь мне о своих приключениях, пока я помогу расслабиться твоим усталым ножкам.

Девушка была уверена в себе, убедительна, Люби же действительно устала, если подумать. А пар источал упоительные ароматы.

— *Кто* ты? — спросила она снова.

— Я Чиппаминка. Новая главная чародейка.

— Что случилось с Йоки Чоппой?

— С ним все прекрасно. Просто его здесь нет. Ты осталась одна, без оуслы, примерно две недели назад и ничего не знаешь об их судьбе.

— Да, только откуда ты...

— Я же чародейка. Снимай одежду и иди в воду. Обещаю, ты увидишься с императрицей сразу, как только это станет возможно, раньше других, кто ждет уже гораздо дольше тебя.

Люби Зефир сделала так, как было предложено. Она сбросила одежду и опустилась на деревянную скамейку под водой напротив Чиппаминки. Она вздохнула. Горячая вода оказалась восхитительной.

— Давай сюда ногу.

Люби вытянула ногу. Девушка взяла стопу воительницы оуслы и поставила, мягко, но решительно, на свое скользкое колено. Она надавила большими пальцами на оттопанную в походе пятку и принялась массировать. Люби невольно вздохнула снова. Прикосновения девушки были даже нежнее, чем вода.

— А ты знаешь,— спросила Люби,— где сейчас остальная оусла и зачем мы идем войной на Гибельные Земли?

— Знаю,— ответила девушка, лучезарно улыбаясь.— Но почему бы тебе пока просто не расслабиться?